

Нелла
Ларсен

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Перевод
Дины
Батий

ПРИТВОРСТВО

«Захватывающая классика
Гарлемского ренессанса»

Mairéad Hearne, Swirl and Thread

Нелла Ларсен
Притворство

Издательство "Livebook/Гаятри"

1929

УДК 82-3
ББК 84

Ларсен Н.

Притворство / Н. Ларсен — Издательство "Livebook/Гаятри" ,
1929

ISBN 978-5-907784-86-4

История про вынужденное притворство и жизнь, заимствованную с чужого плеча. Америка ревуших двадцатых и Великого Гэтсби. Женщины мечтают о роскошной жизни. Мужчины заглядываются на эффектных красавиц. И мало кто догадывается, что за ослепительной внешностью может скрываться невероятная тайна. Судьба героини с афроамериканскими корнями, казалось бы, должна убедить в том, что в любом обществе можно притвориться своей, ведь главное – это непробиваемая уверенность, что мир должен принадлежать тебе. Но что, если никакие достигнутые вершины не отменяют тоску по тому, что впитано с молоком матери? По прошлой жизни, по настоящим подругам. И все те блага, полученные от социального притворства – пассинга – не заменят простого счастья быть самой собой. Эта полная драматизма книга, написанная в 1929 году, считается американской классикой и входит в программы чтения университетов.

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-907784-86-4

© Ларсен Н., 1929
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 1929

Содержание

Предисловие переводчика	6
Первая часть. Встреча	7
Один	7
Два	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Нелла Ларсен

Притворство

Посвящается Карлу Ван Вехтену и Фане Маринофф

*Я уже в трех столетиях от
Тех краев, что любили отцы,
Пряной рощи, и джунглей, и звезд,
Что же Африка, если не сны?*

Каунти Каллен

© Дина Батий, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. Livebook Publishing LTD, 2026

Предисловие переводчика

Начинать рассказ о писательнице Нелле Ларсен (1891–1964) правильнее с ее происхождения. Это не столько дань биографической традиции, сколько необходимость, так как все ее творчество обусловлено вопросом: «Кто ты и откуда?»

Нелла Ларсен родилась в Чикаго в семье иммигрантов – датчанки и вест-индца. Все ее родные были светлокожими, только она одна – метиска, недостаточно светлая и недостаточно темная, а значит – везде чужая. В юности она пыталась найти свое место в Дании, но в итоге вернулась в США и обосновалась в Нью-Йорке.

В 1920-х Нелла примкнула к Гарлемскому ренессансу – движению темнокожих интеллектуалов, которые выражали расовую гордость и культурную самобытность. Таким образом они боролись с унижительными стереотипами белых об афроамериканцах. Случился настоящий бум «черного искусства» – джаз, блюз, живопись, мюзиклы и, конечно, литература. На этой волне Нелла Ларсен выпустила два романа – «Зыбучие пески» (1928) и «Притворство» (1929).

Оригинальное название романа «Притворство» – «Passing» – отсылало к феномену, хорошо знакомому современникам Ларсен. Сегодня, чтобы понять его смысл, необходимо углубиться в контекст США 1920-х годов, во времена расовой сегрегации по «правилу одной капли крови». Согласно ему, все, у кого в роду был хоть один афроамериканец, считались «цветными». Их угнетали в правах и не подпускали к благам так называемого белого мира.

Однако существовала загвоздка: часто потомки смешанных союзов оказывались белокожими, и внешность никак не выдавала их расу. Они этим пользовались – одни притворялись белыми время от времени, только чтобы попасть в недоступный темнокожим магазин или отель, другие – радикально меняя свою жизнь, выходя замуж или строя карьеру в белом обществе. Такое притворство – когда цветной по происхождению человек сходил за белого – и называлось passing.

В научном языке этот феномен иногда переводят как «расовый переход» или «расовая мимикрия», мы же использовали транслитерацию пассинг, чтобы подчеркнуть его историко-культурную уникальность. По самым дерзким подсчетам, ежегодно около тридцати тысяч американцев притворялись белыми. И Нелла Ларсен была в их числе, а потому об этом и писала.

Безусловно, пассинг порождал тревогу в расистском обществе, отвергавшем и опасавшемся других. Кроме того, люди со светлой кожей и каплей «негритянской крови» вставали перед выбором: пассинг сулил привилегии, но подразумевал отказ от своих корней и части самоидентичности. Писательница исследует зыбкость этих границ и цену любого выбора на примере главных героинь романа Айрин и Клэр.

Однако Неллу Ларсен волнует вся палитра притворства, а не исключительно расовый вопрос. Ведь в каком-то смысле все играют роли: примерного семьянина, чуткой подруги, философа... Но ради чего? И на что готовы пойти те, чей спектакль оказывается под угрозой срыва? История Айрин и Клэр, не представимая в другом месте и в другое время, рассказывает нам не только о белых афроамериканцах Гарлема 1920-х – а обо всех, кому доводилось притворяться, обретая одно и теряя нечто другое.

Дина Батий
Март 2026

Первая часть. Встреча

Один

Это письмо лежало последним в стопке утренней почты Айрин Редфилд. Длинный конверт из тонкой итальянской бумаги, подписанный неразборчивым почерком, казался инородными и неуместным среди прочих привычных писем с четко выведенными адресами. К тому же он будто скрывал некую загадку, а то и тайну. С скромный, коварный объект без обратного адреса, который мог бы выдать отправителя. Однако Айрин, разумеется, сразу догадалась, от кого послание. Пару лет назад она уже получала похожий конверт. Пусть он и был тайной, но какой-то особенной, решительно выставленной напоказ. Лиловые чернила. Иностранная бумага необычного размера.

Почтовый штемпель, отметила Айрин, поставлен вчера в Нью-Йорке. Она сдвинула брови, слегка насупившись. Хмурилась она скорее от недоумения, чем от досады, хотя ощущала долю и того, и другого. Уму непостижимо, как можно так пренебрегать опасностью, которую она уже предвидела в содержании письма; ей вовсе не хотелось вскрывать конверт и читать.

Вполне в духе Клэр Кендри, размышляла она. Та всегда ходит по самому краю пропасти. И всегда осознает это, но не сворачивает в сторону и не отступает ни на шаг. И уж точно ее на это не сподвигнут чьи-то переживания или недовольство.

На короткое мгновение перед глазами Айрин Редфилд возникла картина: маленькая бледная девочка сидит на потертом синем диване и сшивает куски ярко-красной ткани, а ее пьяный отец, мужчина высокий и крепко сложенный, грозно мечется по убогой комнатке, сыпля проклятиями, то и дело дергаясь в ее сторону, но его удары по большей части приходят мимо, хотя от этого не менее страшно. Иногда он все же достает до нее. И только тот факт, что девочка забилась со своим шитьем в дальний угол дивана, позволяет предположить, что ее хоть в какой-то степени беспокоят эти нападки на нее саму и на ее рукоделие.

Клэр прекрасно знала, что нельзя брать ни цента из того доллара, который она получала раз в неделю за выполнение бесчисленных поручений портнихи с верхнего этажа дома, где Боб Кендри работал сторожем. Но это ее не остановило. Она хотела пойти на пикник с воскресной школой, причем непременно в новом платье. Потому она все-таки взяла деньги, чтобы купить ткань для простого красного платья, хотя это грозило не просто неприятностями, а самой настоящей бедой.

Даже в те времена жертвенность не вписывалась в картину мира Клэр Кендри, и если она чему-то и была верна, то лишь своим сиюминутным капризам. Эгоистично, равнодушно и непоколебимо. Притом она поразительно умела выражать пылкость и страсть, доходя порой до театральной высокопарности.

Айрин была годом старше Клэр и помнила тот день, когда домой принесли Боба Кендри, убитого в нелепой пьяной потасовке. Клэр, которой вот-вот должно было исполниться пятнадцать, стояла неподвижно, сжав губы, обхватив узкие плечи тонкими руками, глядя на родное одутловатое и бледное лицо отца, и в ее темных миндалевидных глазах сквозило презрение. Так, не проронив ни слова, она долго стояла и смотрела на него. Затем внезапно расплакалась навзрыд, затряслась всем худым тельцем, стала рвать светлые волосы и топтать ногами. Этот припадок закончился так же мгновенно, как и начался. Она быстро оглядела жалкую комнату, окинула надменным взглядом всех присутствующих, в том числе и двух полицейских, а в следующий миг отвернулась и исчезла за дверью.

С высоты прожитых лет это казалось скорее вспышкой накопившейся ярости, чем гореванием по отцу; впрочем, стоило признать – она правда испытывала к нему нежность, только в какой-то особой манере, как кошка.

Как кошка. Несомненно, эти слова наиболее точно описывают Клэр Кендри, если ее вообще возможно описать парой слов. Иногда она была жесткой и будто вовсе бесчувственной; иногда – ласковой и безрассудно горячей. И еще в ней жила какая-то странная тихая злоба, скрытая глубоко внутри до тех пор, пока ее не пробуждали.

А уж если пробуждали, она принималась орудовать когтями, причем вполне плодотворно. Или же, рассердившись, начинала драться так неистово и свирепо, что не считалась ни с какой опасностью, пусть даже ее превосходили силой, числом и прочими неблагоприятными обстоятельствами. Как варварски она перецарапала мальчишек в тот самый день, когда они освистали ее отца и пропели ему вслед обидную дразнилку, высмеивающую шаткую походку! И как решительно она...

Айрин усилием воли вернулась от воспоминаний к письму Клэр Кендри, которое до сих пор не распечатала. С легким опасением она медленно разрезала конверт, вынула сложенные листы, расправила их и стала читать.

Сразу стало ясно, что содержание было именно таким, как она и ожидала, когда поняла по почтовому штемпелю, что в Клэр в городе. В экстравагантных формулировках та выражала надежду увидеться снова. Что ж, сказала себе Айрин, она не хочет – да и не станет. Не будет она потакать взбалмошному желанию Клэр хоть на миг вернуться в ту жизнь, которую она давным-давно отринула, причем добровольно.

Она пробежала письмо глазами, стараясь разобрать небрежный почерк, а где-то интуитивно угадывая смысл.

«...Ведь я так одинока, так одинока... думаю только об одном – быть снова рядом с тобой, и ничего прежде я так сильно не желала, хотя многого хотела в этой жизни... Ты не представляешь, как часто в этой блеклой рутине я представляю яркие картины другой жизни, из которой когда-то мечтала вырваться... Это словно ноющая боль, мука, которой нет конца...» И еще листы под тонкими листами. Наконец: «...и в том твоя вина, дорогая Рини. По крайней мере, частично. Ведь меня, возможно, и не одолевало бы это ужасное, дикое желание, не повстречай я тебя тогда в Чикаго...»

На оливково-смуглых щеках Айрин Редфилд вспыхнули алые пятна.

«Тогда в Чикаго». Из всего текста письма эти слова ей особо бросились в глаза, вызвав ясное и горькое воспоминание, из-за которого даже теперь, два года спустя, она испытывала унижение, обиду и ярость.

Два

Айрин Редфилд вспомнила следующее.

Чикаго. Август. Небывало жаркий день, солнце безжалостно поливало все лучами, словно горячим дождем. Даже очертания домов колебались, словно возмущаясь зноем. От раскаленного асфальта поднимались дрожащие потоки воздуха и вились вдоль блестящих трамвайных рельсов. Припаркованные на обочине автомобили сверкали, подобно танцу костра, а стекла витрин отбрасывали ослепительные отблески. Острые частицы пыли летели с разгоряченного тротуара, обжигая высушенную или взмокшую кожу изможденных пешеходов. Легкий ветерок походил скорее на дыхание пламени, неторопливо раздуваемого мехами.

Именно в тот самый день Айрин отправилась по магазинам за подарками, которые обещала привезти из Чикаго своим сыновьям, Джуниору и Теодору. Как обычно, она отложила это дело на последний момент, хотя поездка была довольно долгой, а теперь, под конец, накопилась уйма задач. И только в тот до одури жаркий день она до самого вечера была свободна.

Без лишних хлопот она раздобыла механический аэроплан для Джуниора. Но ради альбома для рисования, который Тед так серьезно и настоятельно описал ей, пришлось обойти пять магазинов, и все без толку.

Она уже направлялась в шестой, когда, шурясь от солнца, увидела, как прямо перед ней внезапно споткнулся и свалился мужчина, мигот превратившись в неподвижную бесформенную массу на перегретом асфальте. Вокруг безжизненной фигуры образовался небольшой круг зевак. «Он умер или просто упал в обморок?» – спросил ее кто-то. Айрин не знала и не хотела разужнавать. Она стала протискиваться сквозь разрастающуюся толпу и от соприкосновений с потными телами сама себе казалась потной, липкой и грязной.

Какое-то время она стояла, обмахиваясь и прикладывая к взмокшему лицу краешек носового платка. Внезапно улица пошла ходуном, и она поняла, что вот-вот потеряет сознание. Сообразив, что нужно срочно оказаться в безопасном месте, она подняла руку и помахала такси, припаркованному перед ней. Из него выскочил взмокший шофер и довел ее до машины. Он помог ей забраться в салон, почти что внес на руках. Она опустилаь на разгоряченное кожаное сиденье.

Где-то минуто мысли ее путались. Затем наступила некая ясность.

– Кажется, – сказала она этому самаритянину, – мне нужно выпить чаю. Где-нибудь на крыше.

– Значит, в «Дрейтон», мэм? – предложил он. – Говорят, там всегда прохладно.

– Спасибо. Похоже, «Дрейтон» – самое то, – ответила она.

Раздался легкий скрежет сцепления, шофер включил передачу и ловко влился в бурлящий транспортный поток. Айрин ожила от теплого ветерка, который дул в окно машины, и попробовала привести себя в порядок, так как ее внешний вид изрядно пострадал от жары и толпы.

Совсем скоро автомобиль с ревом рванул к тротуару и остановился. Шофер выскочил и открыл дверцу, не дожидаясь, пока к ним подойдет нарядный швейцар отеля. Она выбралась из машины и, отблагодарив водителя за чуткость и поддержку как улыбкой, так и кое-чем более весомым, прошла сквозь распахнутые двери «Дрейтона».

Когда она поднялась на лифте на крышу, ее проводили к столику у огромного окна, на котором едва колыхались занавески, намекая на дуновение бриза. Казалось, будто ее на ковресамолете перенесли в иной мир – уютный, тихий и необыкновенно далекий от той раскаленной земли, что осталась внизу.

Ей подали чай, он оказался именно таким, как она жаждала и ожидала. По правде, напиток настолько утолял ее жажду и соответствовал ожиданиям, что после первого же глубокого,

освежающего глотка она и думать о нем забыла, лишь изредка отвлеченно отпивала из высокого зеленого бокала, пока разглядывала зал или смотрела поверх крыш на слепаще гладкую синеву озера, простиравшегося до незримого горизонта.

Она поглядела вниз на пятнышки машин и людей, мельтешащие по улице, и подумала, до чего же нелепо те смотрятся, а затем, подняв бокал, с удивлением обнаружила, что он уже опустел. Она заказала еще чаю и стала перебирать в голове все события дня, а также прикидывать, что делать с альбомом для Теда. Почему он неизменно хотел именно вещи, которые трудно или вовсе невозможно достать? Весь в отца. Тот тоже всегда желает недостижимого.

Послышались голоса – рокочущий мужской и хрипловатый женский. Мимо прошел официант, а за ним в облаке душистого аромата проследовала женщина в струящемся платье из зеленого шифона с узором из нарциссов, амариллисов и гиацинтов, навевавших воспоминания о сладостной прохладе весенней поры. Позади шел мужчина с абсолютно красным лицом, он вытирал шею и лоб большим мятым платком.

– Только не это, – с досадой вздохнула Айрин, потому как после недолгих переговоров и некоторой сумятицы эти двое остановились у соседнего столика. До сих пор она сидела у окна в одиночестве, и там стояла блаженная тишина. Теперь же, несомненно, они примутся болтать.

Но нет. За столик села только женщина. Мужчина продолжал стоять, рассеянно теребя узел ярко-синего галстука. С того незначительного расстояния, что разделяло два столика, его слова слышались вполне отчетливо.

– Тогда до встречи, – сказал он, смотря женщине в глаза. Голос не скрывал радости, на лице сияла улыбка.

Его спутница разомкнула губы, чтобы ответить, но ее слова донеслись до него одного, так как беспорядочный шум с улицы их заглушил. Айрин ничего не расслышала. Она только отметила, с какой ласковой улыбкой та говорила.

Мужчина произнес:

– Пожалуй, мне пора, – снова весь просиял, попрощался и ушел.

Красивая женщина, подумалось Айрин, – такие темные, чуть ли не черные глаза, и крупный рот алым цветком на матово-белой коже. Платье тоже бесподобно, как раз по погоде, тонкое и легкое, при этом не мягкое, как часто бывает с летними вещами.

Официант принимал у нее ее заказ. Айрин заметила, как та ему улыбнулась и что-то прошептала, возможно «спасибо». Нечто странное сквозило в этой улыбке. Айрин не могла сказать, что именно, но точно знала: будь это другая женщина, она сочла бы этот жест чересчур кокетливым для общения с официантом. Однако сейчас что-то заставило ее в этом усомниться. Вероятно, дело было в самоуверенности этой женщины.

Официант вернулся с заказом. Айрин следила, как та расправила салфетку, подняла белоснежной рукой серебряную ложку и разрежала ею тусклое золото дыни. Затем, осознав, что чересчур долго разглядывает посетительницу, отвела взгляд.

Ее мысли вернулись к насущным заботам. Айрин окончательно решила, какое из двух платьев лучше надеть на вечернюю игру в бридж, где воздух такой густой и жаркий, что хоть ложкой ешь. Определившись с платьем, она снова стала ломать голову, где же отыскать альбом для Теда, и пока задумчиво взирала на озеро, вдруг каким-то шестым чувством уловила, что за ней наблюдают.

Она медленно оглядела зал и встретила взглядом с темными глазами той женщины в зеленом платье, что сидела за соседним столиком. Однако женщина, очевидно, не понимала, что пристальный интерес, который она выказывает, может привести в замешательство, а потому продолжала глазеть. Судя по ее нарочито открытой манере, она решила во что бы то ни стало запомнить каждую черту лица Айрин, ни капли ни смущаясь, что ее испытующий взгляд не остался без внимания.

Вместо нее смутилась Айрин. Она почувствовала, как покраснелась под этим неотступным взглядом, и потупила взгляд. Принялась гадать, что же вызвало такой настойчивый интерес? Неужели она второпях в такси надела шляпу задом наперед? Аккуратно коснулась ее. Нет. Может, на лице осталась полоска пудры? Быстро провела платком. Какая-то беда с платьем? Оглядела и его. Все в полном порядке. Так в *чем* же дело?

Она снова подняла голову, одно мгновение ее карие глаза вежливо смотрели в черные, которых с нее так и не сводили. Айрин мысленно пожала плечами. Что ж, ну и пусть смотрит! Она попробовала с равнодушием отнестись к этой женщине и ее взгляду, но ничего не вышло. Тщетно старалась она не замечать ее. Айрин еще раз взглянула украдкой. Та по-прежнему рассматривала ее. Какие странные томные глаза!

Постепенно в Айрин стала нарастать тревога, до боли знакомая и ненавистная. Она тихо фыркнула, но глаза вспыхнули.

Неужели эта женщина каким-то образом поняла, догадалась, что прямо перед ней на крыше «Дрейтона» сидит негритянка?

Чушь! Это невозможно! Белые люди всегда так слепы, пусть и утверждают, что прекрасно отличают одних от других, однако обычно судят по каким-то нелепым признакам – по ногтям, ладоням, форме ушей, зубам и прочей чепухе. Ее же всегда принимали за итальянку, испанку, мексиканку или цыганку. Где бы она ни оказывалась в одиночестве, еще никто ни разу не заподозрил, что она негритянка. Нет, эта женщина, что сидит напротив и глядит неотрывно, не способна это понять.

Тем не менее Айрин почувствовала, как попеременно ее охватывают гнев, страх и неприязнь. Она не стыдилась, что родилась негритянкой, и не устыдилась бы, если бы это открылось. Однако она боялась, что ее могут откуда-то выдворить, пусть даже очень деликатно и тактично, как это наверняка и произошло бы в «Дрейтоне».

На этот раз она смело ответила на пристальный и откровенный взгляд. В нем не было и тени враждебности или возмущения. Напротив, Айрин почувствовала, что женщина вот-вот расплывется в улыбке, стоит лишь ей самой подать какой-то знак. Разумеется, это глупости. Чувство рассеялось, и она отвернулась, твердо вознамерившись не сводить глаз с озера, неба, крыш зданий, чего угодно, только бы не видеть эту навязчивую даму. Однако почти тут же снова подняла на нее глаза. Несмотря на муторную тревогу, она вдруг загорелась желанием переглядеть эту наглую наблюдательницу. Допустим, та знает о ее расе или хотя бы подозревает. Однако она ничего не докажет.

Вдруг ее объял ужас. Соседка встала и направилась к ней. Что сейчас будет?

– Простите, – вежливо произнесла женщина, – кажется, мы знакомы.

В ее хрипловатом голосе слышались нотки сомнения.

Айрин подняла на нее глаза, и все подозрения и страхи тут же улетучились. Бесспорно, та улыбалась дружелюбно, и перед ее обаянием невозможно было устоять. Она поддалась ему и доброжелательно ответила:

– Боюсь, вы ошибаетесь.

– Ну нет, конечно же, мы знакомы! – воскликнула та. – Только не говорите, что вас зовут не Айрин Вестовер. Или вас до сих пор называют Рини?

Прежде чем что-то ответить, Айрин судорожно попыталась вспомнить, где и когда могла видеть эту женщину. Однозначно в Чикаго. И до замужества. Это ясно. В старших классах? В колледже? В комитете ассоциации молодых христианок? Скорее всего, в старших классах. С какими белыми девушками она общалась так тесно, что те могли ее по-дружески звать Рини? Эта женщина не напоминала ни одну из них. Кто же она тогда?

– Да, я Айрин Вестовер. Меня уже никто не называет Рини, но приятно вновь услышать это имя. А вы?.. – она запнулась, устыдившись, что не может ее вспомнить, и надеясь, что собеседница закончит предложение за нее.

– Не узнаешь меня? Правда, Рини?

– Простите, никак не получается вас вспомнить...

В поиске хоть какой-то подсказки Айрин внимательно вглядывалась в прелестное создание, которое оказалось совсем рядом. Кто же это такая? Где и когда они встречались? Сквозь смятение она вдруг ощутила, что старой знакомой почему-то льстит, что ее не могут вспомнить, а вовсе не огорчает.

Айрин почувствовала, что еще чуть-чуть, и она ее узнает. Было в ней что-такое, нечто неуловимое, слишком размытое, чтобы подобрать слова, слишком далекое, чтобы ухватить, но ей, Айрин Редфилд, хорошо знакомое. И еще этот голос. Она, безусловно, где-то уже слышала эту хрипотцу. Возможно, когда-то раньше, прежде чем под влиянием лет, людей или чего-то иного этот голос так преобразился, что в нем зазвучали отголоски Англии.

– Наверное, – начала Айрин, – вы...

Женщина рассмеялась, и смех ее был очарователен – краткая череда нот, как трель, а еще будто тонкий звон колокольчика из драгоценного металла, эдакое дзиньканье.

У Айрин перехватило дыхание.

– Клэр! – вскрикнула она, – Не может быть, Клэр Кендри?

От удивления она начала подниматься из-за стола.

– Нет-нет, не вставай, – настояла Клэр Кендри и села рядом. – Давай поболтаем. закажем еще что-то. Чаю? Подумать только – встретиться здесь! Неимоверная удача!

– Вот так неожиданность! – ответила Айрин и, заметив, как переменялась улыбка Клэр, поняла, что частично выдала свои истинные мысли. Однако вслух произнесла только: – Я бы ни за что тебя не узнала, если б ты не рассмеялась. Ты стала совсем другой. Хотя в чем-то та же, что и прежде.

– Возможно, – ответила Клэр. – О, секундочку.

Она обратилась к официанту, который остановился рядом с ней.

– Хм, так-так. Два чая. И принесите сигарет. Да, эти подойдут. Спасибо.

И снова загадочная улыбка. Только теперь Айрин уже не сомневалась, что она и впрямь излишне кокетничает.

Пока Клэр озвучивала заказ, Айрин в уме все подсчитала. Получается, прошло двенадцать лет с тех пор, как она или кто-то из ее круга последний раз видели Клэр Кендри.

После смерти отца та переехала в Вест-Сайд¹ к каким-то родственникам – то ли двоюродным, то ли троюродным тетям или сестрам – об их существовании никто и не подозревал, пока они не заявили на похороны и не увезли Клэр к себе.

В течение года или около того она иногда навещалась к старым друзьям и знакомым в Саут-Сайд², и, судя по краткости визитов, она на них едва выкраивала время, поскольку в новом доме дел по хозяйству более чем хватало. С каждым приездом она становилась все выше, все неопрятнее, все более ранимой и воинственной. «Я беспокоюсь о Клэр, она выглядит такой несчастной», – говорила мама Айрин. Эти приезды становились все реже и короче, а потом прекратились вовсе.

Отец Айрин чтит память Боба Кендри и потому отправился в Вест-Сайд, выждав с последнего приезда Клэр целых два месяца, а вернулся оттуда со скудными сведениями, что повидал ее родственниц и что сама Клэр пропала. Айрин так и не узнала, что еще он поведал матери в уединении родительской спальни.

Но она смутно подозревала, в чем дело. Говорили всякое. К «всякому» относились слухи, что обычно захватывают и будоражат девушек восемнадцати-девятнадцати лет.

¹ Вест-Сайд – район на западе Чикаго с преимущественно белым населением.

² Саут-Сайд – район на юге Чикаго с преимущественно темнокожим населением.

Поговаривали, что Клэр заметили на ужине в модном отеле в компании женщины и двух мужчин, причем все они были белыми. Да еще и такой *нарядной*! Также рассказывали, что видели, как она катила по Линкольн-парку с мужчиной – несомненно, белым и, очевидно, богатым. Лимузин «Паккард», шофер в ливрее, и все в этом духе. Ходили и другие сплетни, Айрин уже не могла вспомнить подробностей, но все они указывали на роскошь.

Теперь она живо вспомнила: когда девушки обмусоливали эти интригующие рассказы о Клэр, они всегда обменивались многозначительными взглядами, а потом, взволнованно хихикая, отводили горящие глаза в сторону и с еле скрываемым разочарованием или недоверием произносили что-то вроде: «Ох, ну, может, она устроилась на работу или еще куда-то», или «И вообще, может, это была вовсе не Клэр», или «Нельзя слепо верить всяким слухам».

Среди них всегда находилась самая прагматичная, которая с нескрываемой язвительностью заявляла: «Конечно же Клэр! Так сказала Рут, а Фрэнк подтвердил, а они-то узнают ее при встрече, как кто угодно из наших». Затем вступала еще одна: «Да, готова поспорить, это была Клэр». Тогда уже все дружно соглашались, что это именно Клэр и что подобные обстоятельства означают только одно. Она работает, но совсем иначе! Никто не водит слуг в Шелби³. И уж точно не в таких платьях. Далее следовали притворные сожаления, и кто-то произносил: «Ах, бедная девочка. Похоже, это правда, но чего вы ждали? Вспомните папашу. Говорят, ее мать хотела сбежать от него, да померла раньше. Кроме того, Клэр всегда хотела большего».

Именно так! И вот, сидя на крыше «Дрейтона» прямо напротив Клэр Кендри, Айрин вспомнила эти слова. «Хотела большего». Что ж, судя по ее виду и манерам, подумала Айрин, Клэр и вправду преуспела в том, чтобы получить большее.

Когда официант отошел, Айрин повторила, до чего же неожиданно и радостно снова видеть Клэр спустя столько лет – двенадцать, не меньше.

– Вот уж кого-кого, а тебя, Клэр, я точно не ожидала встретить случайно. Наверное, потому и не узнала.

Клэр серьезно ответила:

– Да, двенадцать лет прошло. Но я как раз не удивлена нашей встрече, Рини. По крайней мере, не так уж сильно. По правде, с тех пор как я приехала, все надеялась, что столкнусь с тобой или с кем-то еще. Но лучше бы с тобой. Пожалуй, это потому, что я часто о тебе думала, а ты, держу пари, ни разу обо мне и не вспоминала.

Конечно, так оно и было. Когда все пересуды и упреки сошли на нет, она и думать забыла о Клэр. Как и остальные, если по разговорам хоть сколько-нибудь можно судить об их мыслях.

Да и Клэр никогда не принадлежала их кругу, как не была она и просто дочерью сторожа, скорее – дочерью Боба Кендри, который хоть и вправду работал сторожем, но еще, кажется, учился в колледже с чьими-то отцами. Никто доподлинно не знал, как или почему он оказался сторожем, причем довольно бестолковым. Один из братьев Айрин спросил об этом у отца, на что услышал: «Это не твоё дело», – и получил совет быть осмотрительнее, чтоб не закончить, как «бедняга Боб».

Нет, Айрин не вспоминала о Клэр. Ее жизнь и так была переполнена людьми. Как и у всех, она полагала. Айрин стала оправдывать свое – да и общее – забвение.

– Ты же знаешь, как бывает. У всех дел негусто. Когда люди уходят, исчезают из поля зрения, первое время о них еще, может, что-то говорят, спрашивают, а потом постепенно забывают.

– Да, это естественно, – согласилась Клэр. И что же, поинтересовалась она, о ней говорили первое время, прежде чем дружно позабыли?

Айрин отвернулась. Кровь предательски прилила к щекам.

³ Академия Шелби – неофициальное название Музыкальной академии, открытой Дэниэлом Шелби, которая с конца XIX века была переоборудована под кинотеатр.

– Не думаешь же ты, – уклончиво ответила она, – что я помню такие пустяки? За двенадцать лет столько всего произошло – и свадьбы, и рождения, и смерти, и война.

Тут последовала та самая музыкальная трель – смех Клэр Кендри, легкий, звонкий, само воплощение издевки.

– О Рини, – воскликнула она, – конечно же, ты все помнишь! Но не буду вынуждать тебя делиться со мной, я все и так отлично знаю, как если бы сама была среди вас и слышала каждую сплетню. Ох, знаю-знаю. Однажды вечером Фрэнк Дэнтон увидел меня в Шелби. Только не говори, что он всем не растрезвонил, наверняка еще и приукрасил. Другие тоже могли меня где-то встречать. В этом не уверена. Но однажды я столкнулась с Маргарет Хэммер в «Маршалл Филде»⁴. Я собиралась ей что-то сказать, открыла было рот, но она не обратила на меня малейшего внимания. Рини, дорогая, уверяю, она посмотрела сквозь меня, и я даже засомневалась, что состою из плоти и крови. Я помню это ясно, очень ясно. Отчасти именно после того случая я окончательно решила не посещать вас перед отъездом. Почему-то вы, вся ваша семья, были тогда так добры ко мне – бедному, покинутому ребенку, – и я понимала, что не выдержу. Если кто-то из вас – твоя мама, или братья, или... Нет, я поняла, что лучше мне не знать, как вы ко всему относитесь. Потому я предпочла держаться подальше. Наверное, это глупо. Иногда я жалела, что так и не пришла.

Айрин почудилось, что на глазах Клэр навернулись слезы.

– А теперь, Рини, я хочу узнать все-все о тебе, обо всех и обо всем. Ты наверняка замужем?

Айрин кивнула.

– Да, – проникательно сказала Клэр, – как же иначе. Ну же, расскажи мне.

Таким образом, час, а то и дольше, они сидели, курили, пили чай и заполняли разговорами пробел длиной в двенадцать лет. Вернее, говорила только Айрин. Она рассказала Клэр о своем браке и переезде в Нью-Йорк, о муже, двух сыновьях, которые впервые уехали от родителей в летний лагерь, о смерти мамы, о женитьбе двух братьев. Она поведала о свадьбах, детях и смертях в других семьях, которые Клэр знала, тем самым открыв ей дальнейшие судьбы старых друзей и знакомых.

Клэр жадно впитывала новости, которые так давно хотела узнать, но не могла. Она сидела неподвижно, чуть приоткрыв яркий рот, глаза ее блестели счастьем, отчего как будто сияло все лицо. Иногда она вставляла какой-то вопрос, но по большей части молчала.

Где-то снаружи пробили часы. Очнувшись, Айрин взглянула на запястье и вскрикнула.

– Ох, Клэр, мне пора!

На долю мгновения ей стало стыдно. Она вдруг осознала, что так и не поинтересовалась жизнью Клэр да и вообще не горела желанием спрашивать. И вполне отдавала себе отчет, откуда это внутреннее сопротивление. Однако, рассудила она, учитывая всю ситуацию, может, вежливее вовсе не задавать вопросов? Если у Клэр дела обстояли так, как подозревали все вокруг, и она в том числе, разве не тактичнее позабыть спросить о том, что же с ней творилось последние двенадцать лет?

Если? Именно это «если» ее смущало. Ведь могло оказаться и так, что, несмотря на все сплетни и даже косвенные подтверждения, не было ничего, совсем ничего такого, чему бы не нашлось простого и безобидного объяснения. Она уже знала, что внешность порой обманчива, может, и в случае Клэр тоже. Вдруг они все заблуждаются? Тогда Айрин, безусловно, обязана проявить хоть какое-то любопытство к ее жизни. Иначе получится странно и невежливо. Но как же понять? Она пришла к выводу, что никак; и потому просто повторила:

– Мне пора, Клэр.

– Пожалуйста, Рини, подожди, – попросила Клэр, замерев.

⁴ «Маршалл Филд» – сеть универмагов в Чикаго.

У Айрин промелькнула мысль: «Она и впрямь невероятно привлекательна. Неудивительно, что...»

– Теперь, Рини, когда мы наконец нашлись, я намерена видаться с тобой как можно чаще. Мы тут пробудем не меньше месяца. Джек, мой муж, приехал по делам. Бедняга! В такую-то жару. Разве не кошмар? Приходи к нам сегодня на ужин, ты ведь сможешь? – она искоса с любопытством взглянула на Айрин, и ее пухлые алые губы тронула лукавая усмешка, словно бы она прочитала ее потаенные мысли и подсмеивалась над ними.

У Айрин вдруг перехватило дыхание, но непонятно, от чего – то ли от сожаления, то ли от облегчения. Она торопливо ответила.

– Боюсь, не смогу, Клэр. Вечер расписан. Ужин и бридж. Мне очень жаль.

– Тогда приходи завтра утром на чай, – настаивала Клэр. – Познакомишься с Марджери, ей десять лет, а еще, может, и с Джеком, если у него не будет встреч или других дел.

Айрин неловко рассмеялась. На завтра ее уже пригласили, но она опасалась, что Клэр не поверит. Как ни странно, почему-то ее это беспокоило. И, почти раздосадованная беспричинным чувством вины, она объяснила, что ничего не выйдет, так как занята и утром, и в обед, и в ужин.

– А послезавтра пятница, я уеду на выходные в Айдлуайлд. Теперь это модное местечко. И тут ее озарило.

– Клэр, – воскликнула она, – почему бы тебе не поехать со мной? Наверняка будет довольно тесно – у жены Джима талант собирать толпу самых несносных гостей, – но мы уж постараемся найти свободное местечко. Заодно всех повидаешь.

Стоило ей только начать говорить, как она тут же об этом пожалела. Что за глупый, идиотский порыв! Она мысленно простонала, представив, как придется пускаться в бесконечные объяснения, как всем будет любопытно, как знакомые будут вскидывать брови. Нет, уверила она себя, это вовсе не снобизм, ее не сильно заботят те условные ограничения и разграничения, по которым так называемое негритянское общество предпочитает себя огораживать; но в глубине души она с отвращением представляла, какую скандальную славу приобретет, если Клэр Кендри приедет в Айдлуайлд в качестве ее гостьи. И все же она озвучила приглашение, пусть неуклюже и вопреки здравому смыслу.

Но Клэр покачала головой.

– Рини, я бы хотела, правда, – сказала она с оттенком сожаления. – Я бы желала этого больше всего на свете. Но не могу. Мне просто нельзя. Ни в коем случае. Уверена, ты все понимаешь. С ума сойти, как хочу к вам, но не могу, – темные глаза заблестели, а хриплый голос едва заметно задрожал. – И поверь, Рини, я так благодарна, что ты меня позвала. Не думай, будто я не понимаю, как мой приезд сказался бы на тебе. Конечно, если тебя такие вещи еще задевают.

Ни в глазах, ни в голосе Клэр не осталось и намек на подступавшие было слезы, Айрин Редфилд вгляделась в ее лицо и, к своему неудовольствию, заметила, что за белоснежной маской кроется ироничная насмешка. Она перевела взгляд на стену далеко позади Клэр. Что ж, и поделом ей, ведь, признаться, она и правда испытала облегчение. Именно по той причине, на которую намекнула Клэр. Пусть даже Клэр догадалась о ее смятении, ей было все равно. Немного неприятно, что ее разоблачили в своего рода лицемерии, но не более.

Официант принес Клэр сдачу. Айрин вспомнила, что должна сейчас же уйти. Но так и не пошевелилась.

По правде, она не могла сдержать любопытства. Ей хотелось многое разузнать у Клэр Кендри. Не терпелось расспросить о рискованной затее с пассингом⁵, о разрыве с близкими,

⁵ *Пассинг* (англ. *Passing*) – социальное явление, при котором в условиях расовой сегрегации человек скрывает свою истинную этническую принадлежность, чтобы не подвергаться дискриминации и пользоваться благами, доступными белым людям.

понимающими людьми ради того, чтобы попытать удачу в другой среде, пусть даже не совсем чуждой, но уж точно не такой понимающей. И как же быть со своим прошлым, что о нем рассказывать?

И какие чувства возникают при встрече с другим негром? Но она не осмеливалась об этом спросить. Ей не удавалось придумать ни одну формулировку, в которой бы прямо или косвенно не читалось ее чрезмерное любопытство, если не сказать – наглость.

Словно увидев ее желание и нерешительность, Клэр задумчиво отметила:

– Знаешь, Рини, я часто гадала, почему другие цветные девушки, например ты, или Маргарет Хаммер, или Эстер Доусон, или – да многие, – так и не стали притворяться белыми. Ведь это ужас как легко. При такой внешности достаточно всего-то капли смелости.

– А как же твое прошлое? Я имею в виду семью. Ведь ты же не можешь свалиться кому-то на голову из ниоткуда, ожидая, будто тебя тут же примут с распростертыми объятиями?

– Ну почему же? – возразила Клэр. – Ты удивишься, Рини, у белых все это гораздо проще устроено, чем у нас. Может, потому что их намного больше или потому что они в безопасности и им не о чем волноваться. Я так и не знаю ответа.

Айрин слушала с недоверием.

– То есть тебе не пришлось объяснять, откуда ты? Вряд ли такое возможно.

Клэр взглянула на нее со своего края столика с еле сдерживаемым весельем.

– По правде говоря, не пришлось. Хотя, полагаю, в любых других обстоятельствах я бы сочинила какую-нибудь правдоподобную историю. Воображение у меня богатое, поэтому все непременно звучало бы достойно и достоверно. Но в этом не было нужды. Ведь у меня есть тетушки, вполне достойные и достоверные, они вполне годятся для кого угодно и чего угодно.

– Ясно. Значит, они тоже притворялись.

– Нет же. Они белые.

– А! – и в следующее мгновение Айрин вспомнила, что ей кто-то уже об этом говорил – папа или, скорее, мама. Это были тетки Боба Кендри. А он – внебрачным сыном их брата. Ошибкой молодости.

– Эти милые пожилые леди, – пояснила Клэр, – были крайне набожны, а еще бедны, как церковные мыши. Их обожаемый братец, мой дед, сначала промотал свои гроши, а потом спустил все их состояние до последнего пенни.

Клэр выдержала паузу, чтобы зажечь очередную сигарету. От Айрин не ускользнуло, что та скалилась, не скрывая обиды.

– Будучи добродетельными христианками, – продолжила Клэр, – они выполнили свой долг, когда отец по пьяни отдал концы, и приютили меня, если можно это так назвать. Они и в самом деле рассчитывали, что взамен на содержание я буду выполнять всю работу по дому, а еще и стирать. Но, Рини, ведь если б не они, то я бы вовсе осталась без крова, понимаешь?

Айрин кивнула и что-то пробормотала, выразив понимание и сочувствие.

Клэр скорчила озорную гримасу и продолжила:

– Кроме того, по их убеждению, тяжелый труд шел мне на пользу. Ведь во мне течет негритянская кровь, а они принадлежали к тому поколению людей, что строчили и читали длиннющие статьи под заголовками «Способны ли черные трудиться?» К тому же они почти не сомневались, что по воле справедливого Бога сыновья и дочери Хама просто обязаны обливаться потом, потому как их предок подшутил над стариком Ноем, когда тот перебрал с выпивкой. Помнится, тетушки рассказывали, что этот дряхлый пьянчуга проклял Хама и его потомков во веки веков.

Айрин рассмеялась. Но Клэр сохраняла серьезность.

Эта практика была особенно распространена в США в начале XX века среди белокожих потомков афроамериканцев, которые, несмотря на светлую кожу, не могли по закону считаться белыми, так как в них текла «капля черной крови».

– Уверяю, Рини, здесь только доля шутки. Для шестнадцатилетней девушки такая жизнь почти невыносима. И все же у меня имелась крыша над головой, а еще еда и какая-никакая одежда. Кроме того, были и Священное Писание, беседы о нравственности, бережливости, трудолюбии и милосердии Господа Бога.

– А ты когда-нибудь задумывалась, Клэр, – полюбопытствовала Айрин, – как много горя и настоящей жестокости творят во имя милосердия Господа? Причем всегда его самые ярые почитатели.

– Задумывалась, и не раз! – воскликнула Клэр. – Но без них, без всего этого, я бы не стала той, кто я есть сейчас. Ведь, несомненно, я намеревалась сбежать, стать личностью, а не источником проблем или чьей-то добродетели, и уж точно не дочерью легкомысленного Хама. Кроме того, я еще хотела много всего. Я знала, что выгляжу неплохо и могу притвориться белой. Ты даже не представляешь, Рини, как я помирала от зависти ко всем вам, когда я приезжала в Саут-Сайд. Ведь у вас были вещи, о которых я могла только мечтать, которых у меня никогда не бывало. Оттого я еще тверже вознамерилась заполучить их, как и все остальное. Ты хоть представляешь, что я тогда чувствовала?

Она подняла глаза с вызовом и вопросом и, по-видимому приняв за ответ ту жалость, что читалась на лице Айрин, продолжила.

– У тетюшек были причуды. При всей их любви к Библии и молитвам, при всех разгла-гольствованиях о честности, они ото всех скрывали, что их дорогой брат совратил и погубил негритянскую девушку, как они выражались. Ее гибель они еще могли принять, но вот смешение с негритянской кровью оказалось непростительным. Они запретили мне при соседях упоминать и негров, и Саут-Сайд. Не сомневайся, я их послушалась. Уверена, потом они об этом горько пожалели.

Она рассмеялась, и на этот раз звон колокольчиков отдавал холодным металлом.

– Как только подвернулся шанс вырваться из дома, эта тайна сыграла мне на руку. Когда Джек, школьный приятель кого-то из соседей, вернулся из Южной Америки с кучей золота, некому было ему разболтать, что я цветная, зато очень многие рассказывали о набожности и суровости тети Грейс и тети Эдны. Об остальном легко догадаться. Когда он приехал, я стала сбегать из дома не в Саут-Сайд, а на свидания с ним. У меня бы не вышло отлучаться и туда, и сюда. В конце концов мне не составило труда убедить его, что заводить с моими тетюшками разговор о браке бесполезно. Потому в тот самый день, когда мне стукнуло восемнадцать, мы сбежали и поженились. Так все и вышло. Проще не придумаешь.

– Да, и вправду, у тебя все получилось довольно легко. Кстати! Интересно, почему они не рассказали моему отцу, что ты вышла замуж. Он ведь приезжал развеять о тебе, когда ты перестала нас навещать. Уверена, они об этом и словом не обмолвились.

Глаза Клэр Кендри заблестели.

– О, как это мило! Какой славный, заботливый жест. Прекрасный, добрейшей души человек! Ну, они не могли ему рассказать, так как сами ни о чем не знали. Я об этом позаботилась, ведь не могла быть до конца уверена, что их совесть будет и дальше работать без перебоев и они не выпустят кота из мешка. Эти старушки, вероятно, полагали, что я живу во грехе, где бы я ни находилась. Ничего другого они не ожидали.

На долю секунду на красивом лице Клэр показалась ехидная усмешка. Немного помолчав, она сухо произнесла:

– Но мне жаль, если они так преподнесли все твоему отцу. Этого я не предусмотрела.

– Не думаю, что они так поступили, – сказала Айрин. – В любом случае, он ничего такого не говорил.

– Он бы не стал, Рини, дорогая. Только не твой отец.

– Спасибо. Да, уверена, он бы не стал.

– Но ты так и не ответила на мой вопрос. Скажи честно, неужели ты никогда не хотела притвориться белой?

Айрин отреагировала молниеносно:

– Нет. Зачем мне это?

В ее голосе и манере было столько брезгливости, что лицо Клэр вспыхнуло, глаза засверкали. Айрин поспешно добавила:

– Видишь ли, Клэр, у меня есть все, чего я хочу. Пожалуй, можно только чуть больше денег.

Тут Клэр рассмеялась, и внезапный гнев погас так же быстро, как и разгорелся.

– Ну конечно, – заговорила она, – все хотят чуть больше денег, даже те, у кого их в достатке. Должна признаться, я никого не осуждаю. Ужасно приятно располагать деньгами. Честно говоря, Рини, если хорошенько все взвесить, то, думаю, оно того стоило.

Айрин только пожала плечами. В уме она отчасти соглашалась, но вся душа восставала против. Она не могла объяснить почему. И хотя понимала, что опоздает на ужин, если не поторопится уйти, все равно медлила. Казалось, эта сидящая рядом женщина, знакомая ей с детства, удачно провернувшая столь рискованное и, по меркам Айрин Редфилд, постыдное дело, заявлявшая теперь, что всем вполне довольна, притягивала ее неким необъяснимым и непреодолимым магнетизмом.

Клэр Кендри все так же сидела, откинувшись на спинку высокого стула, покатыми плечами касаясь резной спинки. Она держалась с равнодушной уверенностью, словно зная, что ее ждали и желали. В ней угадывался неуловимый намек на ту изящную надменность, которой редкие женщины обладают с рождения, иные же приобретают со славой и богатством.

Клэр, как припомнила Айрин с неким удовлетворением, не приобрела это качество с тех пор, как стала притворяться белой. Она всегда была такой.

Всегда у нее были и такие светло-золотистые волосы, той же длины, сейчас свободно зачесанные над высоким лбом, чуть скрытые тугой шляпкой. Накрашенные губы блестели гераниево-алым, такие сладостные, чувственные, слегка капризные. Манящие. Лоб и щеки казались широковатыми, зато кожа цвета слоновой кости как-то особенно нежно сияла. А какие поразительные глаза! Темные, порой совершенно черные, всегда лучистые, в обрамлении густых длинных ресниц. Завораживающие глаза, медлительные, гипнотические, и при всей пылкости все же нездешние, что-то таящие.

Ах да! Конечно! Это были негритянские глаза. Загадочные и скрытные. Они смотрелись необычайно на белоснежном лице, под светлыми волосами.

Да, красота Клэр была совершенна и неоспорима именно благодаря глазам, которые она унаследовала от бабушки через мать и отца.

Ее взгляд потеплел, и Айрин почувствовала, будто ее окутывают лаской и заботой. В ответ она улыбнулась.

– Может, – предложила Клэр, – ты придешь в понедельник, если к тому времени вернешься? А если и тогда занята, то во вторник?

Айрин, испутив вздох, полный сожаления, ответила, что вряд ли вернется к понедельнику, во вторник дел не счесть, а в среду она уже уезжает. Хотя, может быть, ей удастся выкроить время во вторник.

– О, постарайся! Перенеси какую-нибудь встречу. Другие могут повидать тебя в любое время, а я... Ведь я, вероятно, никогда тебя больше не увижу! Подумай над этим, Рини! Ты должна прийти! Просто обязана! Иначе я тебя вовек не прощу.

В тот миг мысль, что можно никогда больше не повстречать Клэр Кендри, казалась сущим кошмаром. Уступив мольбе и нежности в ее взгляде, Айрин уже сама хотела, чтобы они расставались не навсегда.

– Я постараюсь, Клэр, – осторожно пообещала она. – Я тебе позвоню... Или ты мне?

– Наверное, лучше я тебе. Твой отец есть в справочнике, я видела, и адрес прежний. Шестьдесят четыре восемнадцать. Какая у меня память, а? Только учти, я буду тебя ждать. Ты должна найти возможность прийти.

И снова эта особенная улыбка, перед которой невозможно устоять.

– Сделаю все, что в моих силах, Клэр.

Айрин взяла перчатки и сумку. Обе встали. Она протянула руку. Клэр ее пожала.

– Рада была вновь повидаться, Клэр. А уж как папа будет счастлив узнать о тебе!

– Значит, до вторника, – ответила Клэр Кендри. – Я буду считать минуты до нашей встречи. Прощай, дорогая Рини. Передай папе привет и поцелуй его за меня.

* * *

Солнце больше не палило прямо над головами, однако улицы по-прежнему походили на раскаленные печи. Слабый ветерок еще дышал жаром. А торопливые прохожие казались еще более измотанными, чем раньше, когда Айрин их оставила.

Перейдя улицу по жаре и оказавшись вдали от прохлады крыши «Дрейтона», вне досягаемости чар Клэр Кендри, она вдруг разозлилась на себя – почему ей так льстит и доставляет столько удовольствия, что кто-то открыто радуется встрече с нею?

Обливаясь потом, она приближалась к дому и все сильнее удивлялась, что же на нее нашло, почему она пообещала найти время в те дни, когда встреч и так хоть отбавляй, и все ради женщины, которая открыто и осознано выбрала жить иначе; которую, как та сама подчеркнула, она может никогда больше и не увидеть.

С какой стати она дала такое обещание?

Пока Айрин поднималась по лестнице отцовского дома, представляя, с каким интересом и удивлением он будет слушать историю об этой встрече, ей в голову вдруг прокралась мысль, что Клэр так и не упомянула свою замужнюю фамилию. Она называла мужа просто Джек. И все. Был ли в этом некий умысел? – задалась вопросом Айрин.

Клэр может в любой момент позвонить по телефону, чтобы связаться с ней, или прислать открытку, примчаться в такси. А вот она никаким образом не может выйти на Клэр. Как и никто из тех, с кем она могла бы обсудить эту встречу.

– Еще чего не хватало!

Ключ повернулся в замке. Она зашла в дом. Отец, похоже, еще не вернулся. Айрин решила, что все-таки не будет рассказывать ему о Клэр Кендри. Она призналась себе, что не испытывает ни малейшего желания говорить о той, кто ни в грош не ставит ее благонадежность или рассудительность. И, разумеется, она не хотела и не думала предпринимать хоть что-то ради встречи во вторник. Как и в любой другой день. С Клэр Кендри покончено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.